

во-первых, целого ряда дефиниций, соотносимых с одной идеограммой, и, во-вторых, семантических переходов у репрезентантов одной идеограммы.

При реконструкции семантической системы описанным способом исследователь старается отразить объективно существующую структуризацию семантического пространства. И все же любая реконструкция представляет собой определенную модель описания под определенным, выбранным исследователем углом зрения, модель, которая лишь стремится приблизиться к реальному положению дел, но никогда не является ему изоморфной. Очень вероятно, что не во всех частях исследуемого региона вся идеографическая сетка будет заполнена, однако можно предполагать, что реконструируемые связи между понятиями сохраняются на всей территории, точно так же, как и все выявляющиеся в ходе анализа семантические процессы и движения. Реконструируемая модель оказывается неким аналогом идеального газа в физике – идеализированной моделью реальной системы, моделью, которая позволяет выявлять механизмы протекания различных процессов. Построение общей системы оправдывается еще и тем, что многие диалектные факты, как известно, утеряны: отсутствие определенного понятия на какой-то территории и наличие его на соседних при исторической общности всего региона во многих случаях может говорить не о лакуне в семантической системе, а об утрате диалектных фактов или неполноте сбора.

Е. В. Лысова

ЗАМЕТКИ ПО ОРНИТОНИМИИ РУССКОГО СЕВЕРА

В статье рассматриваются русские наименования водоплавающих птиц из отряда утиных, зафиксированные на территории Русского Севера. Внимание к тематической группе «утки» вызвано следующими причинами.

Данная группа представляет интерес для исследований этимологического характера, при проведении которых следует учитывать, что лексический диалектный слой на территории Русского Севера сложился на базе русского языка с включением финно-угорских заимствований. Базовый русский лексический слой неоднороден: часть фактов попала в регион вместе с языком пришельцев, часть была образована непосредственно в период проживания на территории. Кроме того, язык прошлого русского населения, помимо исконных образований, включал в себя лексические единицы, заимствованные из других неславянских языков. Смешение такого неоднородного языкового континуума с новым слоем заимствований из финно-угорских языков, функционирующих в изучаемом регионе, привело к образованию сложной лексической системы. В результате на территории Русского Севера в разное время зафиксировано большое число лексем, этимологизация которых не приводит к успешным результатам (ср. частую этимологическую помету М. Фасмера «неясно»).

«Неясность» этимологического признака, положенного когда-то в основу номинации, вызвана многими причинами. Существуют случаи, когда слово обладает особой этимологической валентностью: в ходе функционирования под воздействием различных

факторов оно становится перекрестком нескольких мотивационных (соответственно этимологических) линий, что требует особого подхода при этимологизации¹. Например, лексема *чирок* 'вид утки', с одной стороны, связывается М. Фасмером со звукоподражательным глаголом *чирікать*, подтверждением чему служат славянские параллели [Фасмер, 4, 364]. С другой стороны, указывается на возможную связь с лексемой *чѣрага* 'вид чайки', возводимой Итконеном и Калимой к саамскому источнику. Одновременно М. Фасмер оспаривает этимологическую версию того же Калимы, связывающую *чѣрага* со словом из коми языка, потому что, по мнению Вихмана и Утилы, коми лексема, в свою очередь, является заимствованием из русского языка [Там же]. А.Е. Аникин считает, что русское *чирок* '*Anas querquedula*' восходит к праслав. **čirьkь/cirьka* звукоподражательного происхождения. Также отмечается, что «сходные (но независимые) формации звукоподражательного происхождения» присутствуют в других языках (эвенк., калм. и др.). Вместе с тем, по мнению А.Е. Аникина, от рефлексов праслав. лексемы следует отделить рус. арх. *чирок* 'крачка *Sterna*', пск. *чѣрка* 'род небольшой дикой утки', печор. *чѣрка* 'маленькая чайка', которые восходят к саамским данным [Аникин, 693].

Другой момент, осложняющий этимологическую интерпретацию, связан со словообразованием. В некоторых случаях словообразовательная модель, в рамках которой образуется лексема, является устаревшей и непродуктивной, что может стать причиной этимологической ошибки. Так, этимологизируя лексемы *сви́зь*, *сви́зга*, А. Преображенский связывает их с гидронимом *Сви́зга*. В свою очередь, М. Фасмер, сопоставляя указанные единицы с другими названиями этой птицы – *свистун*, *свистокрѣл*, выносит этимологическое резюме «неясно» [Фасмер, 3, 582], которое, очевидно, мотивировано трудностями словообразовательного характера.

Определенную долю неясности вносит в попытки этимологической интерпретации некоторых лексических единиц проблема соотношения собственно диалектных единиц, возникших на базе диалектного словообразования, и лексем, проникающих в диалект из охотничьей терминологии. Отсюда возникает новая проблема: связь языка научной терминологии и диалектной номинации (т.е. вопрос о научной и наивной категоризации).

Таким образом, в статье группа орнитонимов, функционирующих на территории Русского Севера, анализируется с точки зрения происхождения (обсуждается проблема этимологической атрибуции лексем). В группу рассматриваемых названий вошли лексемы, обозначающие птиц из отряда гусеобразных семейства утиных: *гуси* и *казарки*, *утки*, *нырки*, *крохали*. Для анализа выбирается материал, состоящий из исконных по происхождению наименований. К рассмотрению привлекаются факты естественной номинации, извлеченные из диалектных лексикографических источников (лексическая картотека Топонимической экспедиции УрГУ, диалектные словари), и единицы научной номенклатуры², выбранные из орнитологической литературы³. Разнородность материала

¹ О целесообразности такого подхода к этимологическому анализу некоторых слов см.: Попов А.И. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957. В качестве доказательства продуктивности метода, который, по мнению исследователя, должен дополнять сравнительно-исторический традиционный подход, автор приводит целую серию этимологий.

² Если говорить о номинативных особенностях научной номенклатуры, следует напомнить, что, с одной стороны, в научную номенклатуру попадают единицы, функционирующие в общенародном языке или говорах (и соответственно являющиеся результатом естественной номинации); с другой стороны, в научном реестре присутствуют номинации, созданные искусственно.

³ См., например: Рябицев В.К. Птицы тундры. Свердловск, 1986; Зимин В.Б., Ивантер Э.В. Птицы. Петроградск, 1974.

заставляет обратиться к вопросу о взаимопроникновении единиц собственно диалектного образования и лексем-фактов научной номенклатуры. В качестве посредника может выступать язык охотничьей терминологии.

Анализ орнитонимов, входящих в состав научной терминологии, показал, что наименования птиц образуются по следующим схемам:

- видовое слово + подвидовой компонент (атрибутив-прилагательное);
- видовое слово + подвидовой компонент (атрибутив-существительное);
- подвидовой компонент (атрибутив-существительное).

Все наименования, выбранные из научной литературы, укладываются в эту схему:

1) *серый гусь, белолобый гусь; черная казарка, белощекая казарка, краснозобая казарка; красноголовый нырок; хохлатая чернеть, морская чернеть; обыкновенная гага, сибирская (малая, сталлерова) гага; большой крохаль, длинноносый (средний) крохаль;*

2) *чирок-трескунок, чирок-свистунок, чирок-клоктун, гага-гребенушка;*

3) *гуменник, пiskuлька, кряква, свиязь, шилохвость, широконоскa, гоголь, морянка, белобок.*

В качестве видового компонента выступают следующие лексемы: *гусь, нырок, чернеть, чирок, гага, казарка, крохаль.*

Исследование диалектного материала показывает, что некоторые из видовых компонентов (*нырок, чирок, чернеть, казарка, крохаль*) выступают в качестве подвидового атрибута, ср. диал. *утка крохаль* // науч. *крохаль длинноносый*. Следует предполагать, что в семантической системе диалекта отсутствует четкое деление на виды, которое наблюдается в официальной номенклатуре. Об этом свидетельствует также преобладание в диалекте однословных номинаций¹. При этом наблюдается неразличение подвидовых и видовых в научной классификации компонентов (в одной и той же функции выступают *крохаль* и *трескунок*, тогда как в научной терминологии первое характеризует вид, второе – подвид).

Вернемся к лексемам *утка, гусь, нырок, чернеть, чирок, казарка, крохаль*. Исключим из списка слова *утка, гусь*, так как в диалектном словообразовании они не участвуют, видимо, по причине того, что обе лексемы имеют широкое родовое значение для всего класса в целом (ср., однако, одиночную фиксацию слова *селезень* 'порода диких уток' (арх.) [ЛК ТЭ]).

Утки делятся на группы: собственно утки (речные) и нырковые утки, или нырки (в охотничьей терминологии их называют *черными* или *морскими*). Различия связаны с образом жизни: «для нырковых уток, в соответствии с их названием, характерно добывание пищи в значительной степени при нырянии»², в отличие от «благородных» уток, которые остаются на поверхности. В диалектной системе эта оппозиция также сохраняется, но меняется признак номинации. Существует парная формула: *утки сырые* – *утки сухие*.

Лексема *нырок* встречается в следующих диалектных вариантах: *ньр* 'водоплавающая птица из семейства гусиных; нырок', *нырыха* 'самка ныра' (рус. латв.), *нырек* 'то же' (кубан.), *ныруха* 'нырок' (пск.) [СРНГ, 21, 323].

¹ Н.Д. Голев характеризует процесс и результат образования однословной номинации как семантическую конденсацию при формальном сжатии, считая этот процесс наиболее продуктивным типом лексической объективации при номинации лексики природы. Наименование складывается из одного слова, чаще существительного, которое образовалось или из прилагательного (*хохлатая чернеть* – *хохлан*) или из глагольной конструкции: *трескунок* – *тот, который трещит* (см.: Голев Н.Д. Естественная номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. №8–9. С. 94).

² Рябицев В.К. Птицы тундры. С.42.

На территории Архангельской области засвидетельствованы также лексемы *корно́к* 'водоплавающая птица, вид утки (нырок?)' («Она здорово карнает, под водой ходит, тут корнет да через всю лягу и выкорнет») и *кордунья* 'утка морянка, нырок' [ЛК ТЭ].

Для выяснения признака, положенного с основу образования лексемы *корно́к*, ср. *корна́ха* 'птица чайка' (новг.) [СРНГ, 14, 341], *корни́ха* 'то же' (новг.) [СРНГ, 14, 342], а также *курну́ть* 'нырнуть' (арх.), 'окунуть, опустить в воду' (перм., свердл., новосиб., кемер.) [СРНГ, 16, 137].

Есть все основания предполагать, что орнитонимы образованы от глагола *корна́ть* 'нырять'. Возможное сопоставление с *корна́ть* 'обрезать, стричь, обрубать', 'щипать, общипывать', 'дергать, рвать' (ср. *корнокрѣ́лый* 'с обрезанным крылом' без указания места [СРНГ, 14, 342]) следует отбросить, так как в противном случае ожидалось бы образование типа **корнокрѣ́лка* (диалектные наименования уток тяготеют к детализации, ср. *широкonóска*, *плотonóска*, *белобо́ка*).

Для выявления мотивационного признака лексемы *кордунья* приведем следующие слова: *ко́рдать* 'нырять', *ко́рда́ть* 'то же', *ка́рда́ть* 'то же', *кордун*, *кордунья* 'тот, кто ныряет' [олон. – СРНГ, 14, 313]. Образование орнитонимов произошло на русской почве по продуктивной модели.

Если наши этимологические предположения верны, то лексемы *корно́к*, *кордунья* можно считать полными семантическими и словообразовательными (в случае со словом *корно́к*) аналогами лексемы *ныро́к*.

Лексема *че́рнеть*, обозначающая вид утки *Aythya* в системе научной классификации, в диалекте используется в качестве обозначения подвида. Зафиксированы следующие диалектные варианты: *че́рнедь* 'порода уток' (арх.) [ЛК ТЭ], *че́рневеть*, *че́рнеть* 'общее название утки нырка *Fuligula*' [Подвысоцкий, 188], *че́рнеть* 'утка чернь, голова́н', *черне́дѣ́ха* 'черная толстоголовая утка' (сиб.) [Даль 4, 594–595], *че́рнядь* 'порода уток' (арх., влг.), *черня́дка* 'то же' (арх.) [ЛК ТЭ]. Ср. также двусловные сочетания: *чернова́я у́тка* (влг.), *морская́ че́рнядь* (арх.) и *черневая́* (влг.) [ЛК ТЭ]¹. Словообразовательная модель, в рамках которой образуется слово, в современном языке непродуктивна (ср. *че́рнеть* 'чернь, цвет или краска', 'черноземный торф' [Даль, 4, 594]). Вероятно, тот же мотивировочный признак положен в основу таких лексем, как *черну́ха* 'порода уток' (арх.), *че́рнец*, *че́рник*, *черни́ца*, *черно́та*, *черня́шка* 'порода уток с черным оперением' (арх.), *черны́ли* 'водоплавающая птица' (влг.) [ЛК ТЭ], *че́рнь* 'утка чернеть' [Даль, 4, 595]. Учитывая сказанное, лексему *че́рнеть* следует считать естественным образованием, попавшим в язык научной терминологии из «живого» языка и сохранившим устаревшую в словообразовательном аспекте форму. В современной системе диалекта тот же признак оформляется по законам синхронного словообразования с использованием продуктивных суффиксов *-ух-*, *-ник-*, *-ниц-*, *-нец-*, *-яшк-*, *-ыш-*.

Лексема *кроха́ль* используется в научной терминологии для обозначения вида уток *Mergus*. Этимологически лексему *кроха́ль* 'утка *Mergus*' следует связывать, по Фасмеру, со звукоподражательным глаголом типа **крохать*, который, в свою очередь, связан законами чередования со словами *кра́кать*, *кре́к*, *кряхте́ть*, *кря́кать* [Фасмер, 3, 384]. Однако авторы ЭССЯ не включают орнитоним в качестве производного в этимологические гнезда звукоподражательных глаголов (либо не поддерживая звукоподражательную версию, либо считая эти слова русскими новообразованиями). Диалектный материал дает

¹ Подобная однословная номинация, которая выражается единичным прилагательным, приведена в упомянутой статье Н.Д. Голева (*зеленый* 'птица жулан') – см.: Голев Н.Д. Естественная номинация... С. 94.

следующие варианты: *крóхаль* ‘большая светло-серая утка *Mergus serrator* с длинным, острым клювом и хохлатою головой’ [Подвысоцкий, 75] ‘водоплавающая птица сем. утиных’, *крохалѣха* ‘вид уток (самка)’, *клѣхáрь* ‘утка крохаль’ (*клѣхари большие, белые, клѣхают они*) (арх.) [ЛК ТЭ], *крокáль, крокалѣха* ‘вид утки’ (арх.) [СРГК, 3, 22], *крохалѣха* ‘самка крохали’ (арх., заурал.) [СРНГ, 15, 286; СРГК, 3, 22], *крохáрь* ‘птица крохаль’ (том.) [СРНГ, 15, 286], *кóркаль, коркáль* ‘водоплавающая птица из семейства утиных’ (прииртыш., тобол., том.), *коркуль* (удар.?) ‘птица *Mergus merganser*; крохаль большой’ (южн.) [СРНГ, 14, 332, 334], *крохáл* ‘вид утки’ [ССРЛЯ, 5, 1706], *крахалить* (удар.?) (знач.?) (*селезень и серуха, самка серуха, сам селезень крахалит*) (иркут.) [СРНГ, 15, 204]. Ср. также *краколѣха* ‘морская чайка’ (арх.) [СРГК, 3, 8], *крекáль* ‘птица’ [АОС, 3, 16].

Таким образом, наличие большого количества вариантов свидетельствует об исконном образовании. Этимология Фасмера подтверждается тем, что лексемы, обозначающие указанный вид уток, образованы по продуктивной модели (и в формальном, и в семантическом аспектах): ср. *гóголь, врáль, гугáль, шилохвáль*¹.

На территории Русского Севера рассматриваемая лексема зафиксирована в небольшом количестве вариантов. Присутствует вариант с метатезой, что свидетельствует о переработке неудобных сочетаний. Можно считать, что идет процесс адаптации лексемы: образуются формы со смещением ударения, форма с метатезой, форма женского рода. Это, а также широкое распространение лексемы и включение ее в официальную номенклатуру, свидетельствует о том, что лексема не была образована непосредственно в период проживания на территории, а попала в диалект либо из охотничьей терминологии, либо, что вероятней, из общенародного лексикона.

Как говорилось в начале статьи, неясно происхождение лексемы *чирóк*. Наличие большого количества словообразовательных вариантов – *чír* (арх.) [Меркурьев, 177; ЛК ТЭ], *чирёнок* (влг.) [ЛК ТЭ; Даль, 4, 606], *чирéц, чирéзь* (арх.) [ЛК ТЭ], *чírка* (Пск.), *чируха* [Даль, 4, 606], *чирúшка* (арх.) [Меркурьев, 177] – может свидетельствовать о высокой степени освоенности данной лексической единицы на территории, а следовательно, о давнем знакомстве диалектной системы с этой лексемой. Проникновение в научную терминологию из живого языка не вызывает сомнения. Модель образования также продуктивна: ср. *трескунóк, свистунóк, частунóк, звонóк, немóк*.

Лексема *гáга*, по мнению Фасмера, связана со звукоподражательными словами, которые передают крики птиц [Фасмер, 1, 380]. По этой же модели образовано название другой водоплавающей птицы – *гагáра*. Диалектные варианты данного орнитонима – *гáха, гáха* (арх.) [ЛК ТЭ; АОС, 9, 49], *гахúн* (арх.) [ЛК ТЭ], *гáвка, гáгка, гáгун* (арх.) [Подвысоцкий, 29]. Фасмер советует не смешивать лексемы *гáвка, гáгка, гáха*, а также *гáгк, гáвк* (сев.-сиб., камч.) с *гáга, гáха*, считая их, вслед за Калимой, заимствованиями из прибалтийско-финских языков [Фасмер, 1, 380–381]. Этому же мнению придерживается А.Е. Аникин [Аникин, 164]. Учитывая мнение Фасмера и Аникина, тем не менее нельзя не признать, что между лексемами, функционирующими на одной территории, неизбежно будет возникать процесс контаминации, действие и результаты которого рассматриваются в упомянутом выше исследовании А.И. Попова.

¹ Последнее, видимо, образовано по аналогии: *шилохвостень* – *шилохвáль*, как *гоголь, гугаль, крохаль*. К вопросу об участии суффикса *-ль* в именном словообразовании см.: *Варбот Ж.Ж.* Древнерусское именное словообразование. М., 1969. С. 76.

Лексемы *казáра*, *казáрка* в системе научной терминологии обозначают один из видов гуся. Диалектный материал не дает широкого формального варьирования лексемы: *казáрка* 'гусь', 'птица *Anser Segentum*; гуменник' (арх.) [ЛК ТЭ], 'один из видов дикого гуся, гусь *казáра* (*Anser forquatus*)' (арх.) 'птица *Anser brenta*; казарка черная' (петерб.), 'птица *Anser ruficollis*; казарка краснозобая' (арх., астрах.), 'всякий дикий гусь, пролетный, не водящийся в это месте', *казарá* 'птица *Anser albifrons*; белолобая казарка' (краснояр., тул., урал.), 'птица *Anser erythropus*; пикулька' (вост.-сиб., камч., сиб., Курил. и Алеут. о-ва, Белое и Касп. моря), *казáра*, *казарá* 'дикий гусь'; 'род малорослого дикого гуся с беловатым носом' (влад., терск.) [СРНГ, 12, 311]. При формальной устойчивости наблюдается широкое варьирование семантики: слово обозначает различные виды гуся, а также имеет обобщающее значение 'всякий дикий гусь'. Не исключено, что начальная семантика слова передавала общее понятие. М. Фасмер считает связь с тур. *kaz* 'гусь', предложенную Коршем, необъяснимой [Фасмер, 2, 159]. Авторы ЭССЯ лексему не рассматривают. Тем не менее ср. *káза-káза* 'междометные слова, употребляемые для подзывания гусей' (ср.-урал., том.), *казáкать* 'кричать по-гусиному, гагакать' [СРНГ, 12, 308]. А.Е. Аникин считает, что лексемы *казáра*, *казарá*, *казáрка* могли возникнуть на русской почве на основе тюркизмов типа *káза-káза*. Последнее производится от тюркского названия гуся **gaz* [Аникин, 242].

Обратимся к анализу диалектных данных. Подавляющее большинство названий соответствует схеме подвидовой компонент (атрибут-существительное), что соответствует тенденции естественной номинации к конденсированному выражению. Большинство русских наименований относятся к группе номинаций с прозрачной внутренней формой. В качестве основных направлений номинативного процесса можно выделить номинации по признакам внешнего вида и звуковых проявлений. Признаки внешнего вида положены в основу следующих наименований:

– мотивировочный признак «окрас»: *чёрный гусь*, *чёрныйли*, *чёрнуха*, *чёрница*, *чёрник*, *чёрнёц*, *чёрнышка*, *чёрнева́я*, *чёрня́дка*, *серу́ха*, *серёк*, *голубáн* (*голубá чёрнять*), *беля́к* [ЛК ТЭ];

– признак номинации «цвет части тела»: *белогла́зка*, *белобóка*, *черноше́й*, *белоше́йка* [ЛК ТЭ];

– признак номинации «особенность строения части тела»: *широконо́с* [ЛК ТЭ; Подвысоцкий, 192], *острохво́ст*, *плотно́ска* [Подвысоцкий, 112; 192], *шилохво́стень*, *широкохво́стник*, *шилохво́ль* [ЛК ТЭ], *вострохво́ст* [ЛК ТЭ; АОС, 5, 128];

– признак номинации «выделяющаяся часть тела»: *хохла́н*, *ша́пошница*, *косма́ч* [ЛК ТЭ], *голова́н*, *толстоголо́вая у́тка* [Даль, 4, 594].

Условиям номинации по принципу издаваемого звука соответствуют такие наименования, как *каркúн*, *кряктúха*, *кря́жовка*, *кря́жу́ха*, *гуга́ль*, *частуно́к*, *трескуно́к*, *свистуно́к*, *свёсь*, *свёзь*, *свёязь*, *свёзь*, *свётъ* [ЛК ТЭ], *кря́ква*, *кло́кот*, *свёзь*, *свёязь свёц* [Подвысоцкий, 67; 154], *звонóк*, *звонúха*, *звончúха* [Меркурьев, 56], *квакúшка*, *кво́чка* [СРГК, 2, 335], *го́голь* [Подвысоцкий, 32; АОС, 9, 186], *го́глушка* [АОС, 9, 186], *гогла́ч*, *гогленóк*, *гогли́ха*, *гогли́ха*, *гоголи́ха*, *гоголи́ха*, *гого́л*, *гоголёк*, *гоголи́нка*, *гого́лка* [СРНГ, 6, 262].

Кроме того, в единичных лексемах в качестве мотивирующего выступают признаки «среда обитания» (*гуменник* [Подвысоцкий, 36; ЛК ТЭ], *игуменник*, *ду́плýнка*, *черномóрская у́тка*, *морская чёрнеть* [ЛК ТЭ]), «время прилета или время позднего отлета (за морозами)» (*заморóзница* [СРГК, 2, 159]), «поведение» (*торха́лица* [Подвысоцкий, 133],

*глупѣиш, глупѣиш, рыба́чка*¹, *корно́к, корду́нья, вра́ль* [ЛК ТЭ]), «качество мяса» (*пога́нка* [ЛК ТЭ]).

Учитывая данную классификацию, можно обратиться к некоторым лексемам, этимологическая интерпретация которых вызывает вопросы.

Ка́галка, кага́лка, каго́лка, каго́лка ‘горная утка *Anas marila*, морская чернеть’ (арх., влг.) [СРНГ, 12, 296]. По мнению Меценауера, эти слова связаны с лит. *kagenti, kagoti* ‘гоготать’. Менее интересно, как считает Фасмер, сближение с *gága* у Горяева [Фасмер, 2, 155].

Ср. также *ка́га-га-га́* (калуж., смол.), *каги́-кага́* (моск.), *ка́га-ка́га* (ворон., куйбыш.) ‘междомет. звукоподр.; обозначает крик гусей’ [СРНГ, 12, 269; 296–297], *кага́канье* ‘крик гусей’ (куйбыш.), *кага́кать* ‘издавать звук, кричать (о гусях)’ (калуж., моск., ряз., тамб., тул.) [СРНГ, 12, 296]. Ср., кроме этого, *гого́лка* ‘самка водоплавающей птица гоголя’ (орл.), ‘речная чайка’ (дон.), *гого́л* ‘чайка’ (пск.), ‘селезень’ (орл.) [СРНГ, 6, 262–263].

Впреки Фасмеру, можно предположить образование на русской почве по продуктивной модели (ср. образование *гоголь* < **golgolъ, go-golъ* [ЭССЯ 6, 205]).

Свѣзь, свѣсь, сви́зь, свѣш(?)ь, сви́язь [ЛК ТЭ], *сви́зь, сви́язь* [Подвысоцкий, 154], *сви́ст* [АОС, 5, 128], *сви́щ* [Подвысоцкий, 154], *сви́сь* [АОС, 9, 186] ‘вид утки (*Anas Penelope*)’.

По мнению Преображенского, орнитонимы *сви́зь, сви́язь, сви́язь* ‘порода диких уток *Anas penelope*’ связаны с гидронимом *Сви́язь*, который, в свою очередь, связан с глаголом *вить*. Видимо, вслед за Фасмером [Фасмер, 3, 582], следует признать ее ошибочной вследствие невозможности непосредственной связи с гидронимом.

Приведенные выше варианты лексемы *сви́язь* свидетельствуют в пользу связи орнитонима с глаголом *сви́стеть*. В пользу версии свидетельствует также то, что в данном случае лексема образуется по продуктивной модели (участвует тот же мотивационный признак, что и при образовании орнитонима *чирок-сви́стунок*).

Таким образом, научная терминология включает в себя достаточно большое количество наименований, возникших как номинации определенной диалектной системы. В случае русских названий вычислить, какой из диалектов дал материал для орнитологических номинаций трудно, так как, по всей видимости, модели номинации, действующие для этой группы наименований в современных условиях, сходны. Кроме того, видимо, следует предположить, что наименования уток, возникшие в исторический период существования языка, складывались по тем же семантическим моделям, только оформлялись по законам словообразования и с использованием формантов соответствующей эпохи (*сви́язь, чирезь, чернядь*)².

¹ Интересно отметить, что орнитоним *рыба́чка* ‘птица крохаль, луток’, зафиксированный А. Подвысоцким в Архангельском уезде, соответствует ненецкому названию крохали *ха лэнгад* (дословно «который питается рыбой»), приведенному в исследовании В.К. Рябцева. Ср. также замечание того же автора: «крохали преимущественно рыбацкие птицы, по-ненецки так и называются – “рыбоеды”» (*Рябцев В.К. Птицы тундры*. С. 51).

² Возможно, архаичная модель образования при установлении периода, во время которого она функционировала, может стать критерием определения пути появления орнитонима на территории Русского Севера.